

Призрак сферы Дайсона

Автор:

Василий Головачев

Призрак сферы Дайсона

Василий Васильевич Головачев

«Российская обсерватория «Астрон» нашла пристанище в кратере Циолковский, который, в свою очередь, располагался на другой стороне Луны. Создана она была в две тысячи девяносто девятом году и наряду с другими обсерваториями и станциями радиотехнического наблюдения за пространством входила не только в российскую национальную систему контроля космоса, но и в общемировую...»

Василий Головачёв

Призрак сферы Дайсона

1

Российская обсерватория «Астрон» нашла пристанище в кратере Циолковский, который, в свою очередь, располагался на другой стороне Луны. Создана она была в две тысячи девяносто девятом году и наряду с другими обсерваториями и станциями радиотехнического наблюдения за пространством входила не только в российскую национальную систему контроля космоса, но и в общемировую.

«Астрон» представлял собой комплекс сооружений, в который входили три зеркально-линзовых телескопа, сложная решетка радиотелескопа и расположенный под лунной поверхностью резервуар с жидким азотом, представлявший собой антенну нейтринного телескопа, позволявшего обозревать просторы Вселенной чуть ли не до ее видимых границ[1 - Радиус видимой части Вселенной = 13,7 млрд световых лет.].

Кроме того, в комплекс входили жилые и бытовые модули, также спрятанные под грунтом на глубине десяти метров, и модуль управления, оборудованный новейшими системами защиты и кванком – квантовым компьютером последнего поколения, по интеллекту не уступающим человеку. Компьютер имел имя собственное – Григорий – и был подключен к сети таких же функционально ориентированных вычислительных машин, служащих науке и ученым на Земле и на других планетах Солнечной системы.

К слову сказать, на Луне таких обсерваторий, принадлежащих другим странам, насчитывалось больше двух десятков, и благодаря взаимодействию их компьютеров система надежно контролировала Солнечную систему, мгновенно высчитывая опасные приближения к Земле комет и астероидов, а также вела исследования и далеко за пределами родной Галактики.

Расположение обсерватории выбирали тщательно, и по всем условиям для работы лучшим районом для ее строительства был определен Циолковский, кратер диаметром сто восемьдесят километров, обладавший центральной горкой, где разместились телескопы, и темным дном, что специалисты посчитали дополнительным преимуществом: телескопам и фотометрам в районе кратера не мешали блики от лунных пород при появлении над горизонтом Солнца.

Десятого августа две тысячи сто семнадцатого года в центре управления обсерваторией дежурила рабочая смена астрономов в количестве трех человек: начальник смены оператор-астрофизик Доминик Гриневский, по легенде – прапраправнук писателя Александра Грина, сорока восьми лет, оператор-астроном Вениамин Барсуков, обладавший фигурой спортсмена-бодибилдера, тридцати лет, и техник-оператор Николай Толочко, выглядевший в свои тридцать три года студентом колледжа.

Каждый из операторов занимался своим делом, располагаясь в креслах с универсальной информационной поддержкой. В нынешние времена не было

надобности следить за небом в окуляры телескопов, за людей это делали автоматы, сбрасывая изображения участков космоса на объемные экраны операторов.

Как обычно, первые два-три часа дежурства разговаривали мало, увлеченные созерцанием активности близких звезд и работой с идентификацией излучений и «шумов» эфира.

Гриневский «пас» северный квадрант неба, украшенный созвездиями Ориона, Тельца и Эридана. Барсуков изучал спектры звезд ближнего «засолнечья» в направлении на созвездие Кассиопеи. Коля Толочко контролировал все сообщения, поступавшие от общей апертурной сети комплекса, выдаваемые Григорием для изучения обнаруженных аномалий либо в движении небесных тел, либо в их свечении.

Потом начальник смены заказал кофе, к нему присоединился Толочко, и они принялись обсуждать недавнее открытие в созвездии Кеплера мигающей звезды класса К. Гриневский полагал, что звезда мигает из-за того, что вокруг нее крутится облако пыли. Коля Толочко стоял на том, что изменение блеска звезды можно объяснить и невидимой гравитационной линзой, располагавшейся между Кеплером и Солнцем.

– Зря копыя ломаете, – вмешался в спор Барсуков. – Есть проблема поинтересней. Не хотите взглянуть?

Коллеги подошли к нему с чашками кофе в руках.

Объемный экран, или виом, как теперь принято было называть современные системы визуального наблюдения, а также телевизоры и компьютерные мониторы, показывал густо заселенную звездами область космоса в направлении на созвездие Ориона. Красное колечко в глубине виома отчерчивало вектор, по которому в данный момент принимал информацию нейтринный телескоп, ласково названный Циклопом.

– Ну и что? – с недоумением сказал Толочко, отбрасывая чуб, падающий на лоб.

– Странная вещь, – сказал Барсуков. – В этом районе вроде бы ничего не видать, ни одной звезды, а Циклоп регистрирует поток нейтрино, будто там прячется

звезда.

– А что Григорий?

– Утверждает, что в этом квадранте нет неоткрытых звезд. В каталогах действительно ничего.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Гриневский. – Направь туда остальные наши гляделки.

Барсуков набрал комбинацию на консоли управления, объяснил Григорию, что надо сделать.

Внутри колечка в темноте пространства сформировалось шарообразное облачко искр, похожее на одуванчик.

– Интересно! – выпятил губы Толочко. – Что это может быть?

– Инфракрасный источник.

– Но звезды-то не видно.

– Это, наверное, красный или скорее коричневый карлик[2 - Остывшая звезда небольшого размера с низкой температурой поверхности.].

– Тогда почему его нет в наших каталогах?

– Потому что мы только начали подробно изучать этот квадрант.

– Так. – Гриневский задумчиво допил кофе, изучая необычный «одуванчик» в колечке. – Знаете что, парни, давайте-ка пощупаем его во всех диапазонах. А я свяжусь с КоКо.

Он имел в виду Центр Национальной системы контроля, расположенный в Крыму. В просторечии Центр его сотрудники называли Космическим Контролером, сокращенно – КоКо.

Расселись по своим местам, натягивая шлемы дополнительной реальности, позволяющие получать информацию от всех существующих источников, в том числе из Интернета, и общаться со всеми, кто мог понадобиться в любой момент.

Гринеvский связался с КоКо, объяснил ситуацию дежурному комиссару.

Спустя час сам комиссар позвонил в «Астрон»:

– Вы запустили цепную реакцию, парни. Шестьдесят обсерваторий мира – в Чили, Канаде, Китае, в Евросоюзе, на Луне и на всех орбитах изучают Q Ориона. Знаете, какой вывод сделали коллеги в Египте?

– Не-ет, – озадаченно протянул Гринеvский.

– Вы открыли «пузырь» Дайсона!

По залу центра управления обсерваторией пронеслась секунда оглушительной тишины. Потом очнулся Барсуков:

– Вы шутите?

Собеседник, находившийся в данный момент на Земле, в помещении Центра КоКо, рассмеялся.

– Ваши имена войдут в историю, парни. Работайте, еще свяжемся.

Толочко посмотрел на застывшего Гринеvского.

– Пузырь, он сказал?

– Он имел в виду Сферу Дайсона, – хмыкнул Барсуков. – Невероятно! Я думал – какой-то сбой в системе, в крайнем случае – невидимое облако газа.

– Работаем, открыватели пузырей, – сказал Гринеvский, усилием воли возвращая себе рабочий тонус.

Неделю они отдыхали на базе после возвращения из космических далей, оставив за кормой корабля едва ли не две сотни световых лет и звезду-фуор[З - Фуор – тип нестационарных звезд с неравномерно меняющимся блеском.] ипсилон Кормы Корабля. Отсутствовал только бортинженер и кванконик корабля Леон Батлер. У него в Рязани жена родила двойню, и он отпросился у руководства Роскомоса навестить семью.

Остальные отдыхали на территории комфортного городка Циолковский, выросшего еще столетие назад на окраине российского космодрома «Восточный», отсыпаясь после трудного похода к оранжевой звезде, располагавшейся в ста восьмидесяти световых годах от Солнца, и радуясь общению в теплой компании.

По вечерам собирались в клубе космонавтов, где часто выступали известные театральные и музыкальные коллективы, либо играли в волейбол и баскетбол на площадках базы.

Восемнадцатого августа в планах у экипажа была запланирована встреча с командой планетолета «Анадырь», экипаж которого славился своими победами над командами космодрома и других космических судов.

Собрались на площадке базы в семь часов вечера, когда дневная жара спала и на леса вокруг космодрома опустился прекрасный летний вечер, напоенный запахами трав и цветов.

Играли пять на пять: у команды «Дерзкого» отсутствовал пасующий, роль которого мастерски исполнял Батлер, у команды «Анадыря» также отсутствовал игрок, один из доигровщиков, в последнюю минуту отказавшийся играть по неизвестной причине.

Капитаном команды «Дерзкого» был Виталий Бугров, он же – капитан корабля, в молодые годы неплохо выступавший за команду Хабаровского края. Роль диагонального нападающего команды исполнял молодой и горячий Ваня Ломакин, рост которого – два метра восемь сантиметров – и отличная

прыгучесть позволяли ему легко преодолевать блок соперника.

Судил встречу штатный тренер космодрома полковник Веселов, возглавлявший и его сборную команду, несмотря на возраст, продолжавший работать в бригаде технического обслуживания космодрома.

Впрочем, судьи в нынешние времена на официальных чемпионатах, как внутренних, так и мировых, считались таковыми номинально. Контролировали ход игр дроны и всевидящие компьютеры, хотя слово «живого» судьи пока еще считалось законом.

В этот вечер техника судейства не включалась. Встреча организовывалась как товарищеская, и одного судьи сочли достаточным.

Команда «Дерзкого» начала уверенно. Ломакин забивал мячи почти стопроцентно, ему помогал Бугров, исполняющий обязанности доигровщика, пасовал, и очень качественно пасовал, главный навигатор корабля Андрей Нарезный, и первый сет «дерзьяне» выиграли со счетом 25-19.

Вторую неожиданно проиграли 25-23, расслабились, посчитав, что противник слабее.

Третью с трудом вытянули, выиграв со счетом 29-27.

Ломакин начал злиться, так как ему показалось, что его засуживают.

В четвертой партии созрел конфликт. Ломакин пробил чисто, однако Веселов отдал мяч сопернику, показав, что Иван задел сетку, и двадцатипятилетний оператор вспомогательных систем «Дерзкого» вспылил.

Сначала он сделал несколько выразительных жестов, один из которых можно было счесть неприличным. Затем громко высказал свое недовольство предвзятым судейством. А когда шестидесятилетний Веселов, тощий и длинный как жердь, сделал ему замечание, Ломакин вспыхнул и усомнился в квалификации судьи, посоветовав ему «пасти козлов, а не судить интеллектуальнейшую из игр».

Началась перепалка, в которую вступили игроки обеих команд. Бугрову пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить оператора экипажа и свести конфликт к нулю.

В конце концов все дружно пожали друг другу руки и доиграли сет. «Дерзкий» выиграл. Но в раздевалке Бугров отвел подчиненного в сторонку и осведомился голосом строгого отца:

– В чем дело, Иван? Какая муха тебя укусила?

Ломакин закусил губу. С одной стороны, он чувствовал себя правым, с другой – понимал, что нельзя давать волю своим чувствам на площадке, да еще в компании друзей.

– Извините, Виталий Семенович, больше не повторится.

– Ты не ответил на вопрос.

Ломакин отвел глаза.

– Да так... есть причина...

– Говори.

– Я встречаюсь с его дочерью...

– Кого – его?

– Василия Поликарповича... Веселова.

Бугров присвистнул.

– Хорош сюрприз! Давно?

– Полгода. – Ломакин насупился. – Не знаю, почему Василий Поликарпович так суров ко мне, поводов вроде не давал, но он меня явно невзлюбил.

– За что?

– Да бог его знает! Не приглянулся я ему.

– А может быть, он просто проверяет твою выдержку?

Ломакин наморщил лоб, размышляя.

– Виталий Семенович, – позвал Бугрова второй навигатор корабля Альберт Полонски, – вас ждать?

– Сейчас. – Бугров похлопал молодого человека по плечу. – Думай, Ваня, думай и проявляй сдержанность. Уравновешенные мужики нравятся больше нервных не только дамам.

– Я стараюсь.

– Пока что это у тебя плохо получается.

Приняли душ.

До жилого корпуса космонавтов пошли пешком. Погода благоприятствовала хорошему настроению, неприятности отошли на второй план, победа добавила энергии, и в конце концов начал улыбаться и Ломакин.

А в холле здания их ждал подтянутый молодой человек с короткой стрижкой «скошенный луг», в сером унике официала канцелярии.

– Майор Точкин, – представился он. – Адъютант начальника Центра управления полетами Волгина. Виталий Семенович, генерал просит вас навестить его в удобное для вас время.

– А почему вы мне не позвонили? – в недоумении поднял брови Бугров. – Решили передать просьбу лично?

– Андрей Харлампиевич только что вернулся домой. – Точкин поднял глаза к потолку, давая понять, где сейчас Волгин; генерал жил в этом же доме, только на тридцать седьмом этаже. – Я проводил его, хотел вам звонить, а тут вы навстречу.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Я понял так, что вам предложат новый дальний поход.

Бугров мельком глянул на лица сопровождавших его членов экипажа.

– Куда, если не секрет?

– Очевидно, к Ориону.

– Снова к фуору?

– Нет, на этот раз подальше. В квадранте омикрон два-зет Ориона обнаружен интересный объект. Но вы сами все узнаете.

– Что за объект? – любопытствовал Полански.

– Сфера Дайсона, – ответил Точкин равнодушно.

3

Космодром Коперник, расположенный в одноименном лунном кратере, был построен в конце двадцать первого века и принадлежал изначально России. Но после ликвидации террористического интернационала, распада НАТО и достижения полноценного всеобщего мира на Земле с него начали стартовать и космические корабли других держав, а также космолеты, принадлежащие Международному Совету космических исследований, объединившему все космические агентства, в том числе российский Роскосмос, американское НАСА и китайское Го Цзя Хан Тянь Цзюй.

Бугров с командой прибыл на космодром Коперник девятнадцатого августа, приняв предложение руководства Роскосмоса, поддержанное Международным Советом, отправиться к только что обнаруженному объекту, получившему название Сфера Дайсона. Руководство колебалось, испытывая сомнения в полноценной реабилитации экипажа корабля после полета к звезде-фуору, но Бугров заверил Волгина, что все космонавты здоровы как быки и готовы лететь хоть к черту на кулички. Тем более что «Дерзкий» позволял это сделать, рассчитанный свободно преодолевать громадные космические расстояния за считанные часы, а то и минуты. И Волгин дал добро.

«Дерзкий» действительно оправдывал свое имя.

Это был космолет, изготовленный по новейшим технологиям, обладавший ГСП-тягой, обеспечивающей ему скорость в тысячи раз выше световой. Впрочем, о реальной скорости относительно физических объектов говорить не приходилось. Генератор «свертывал» пространство в «струну», и корабль не разгонялся, как реактивный снаряд, а как бы проваливался в трещину в вакууме, то есть, по сути, создавал вакуумный «дефект», подобный трещине в сплошном поле льда, и оказывался в нужном районе космоса практически мгновенно. Другое дело, что расчеты «пробоя» требовали тщательного учета всех объектов и полей по вектору движения, а это занимало немало времени.

Конструкторы корабля при его создании использовали не только фрактал-дизайн, но и модульную сборку, позволяющую менять внутренние интерьеры, увеличивать объемы трюмов и сокращать вспомогательные помещения.

Команда Бугрова количеством в шесть человек разместилась в центральном модуле управления, называемом то бункером, то мостиком, хотя каждый член экипажа имел для отдыха персональную каюту. От кубриков на несколько мест для «матросов» давно уже отказались.

Точно так же устроились с комфортом и пассажиры – исследовательская группа в количестве пяти человек. Руководил ею пятидесятилетний доктор физико-математических наук Шустов. И если в экипаже была только одна женщина – Ирина Легрова, доктор медицины, то в команде Шустова насчитывалось сразу две: Фьоретта Месси, красивая жгучая брюнетка двадцати семи лет, и Карла де Лонгвиль, археобиолог и ксенолог-психолог, суровая дама-блондинка сорока двух лет от роду. Обе были не замужем, и мужчины относились к ним с повышенным вниманием, хотя не забывали и о политкорректности.

В двенадцать часов по универсальному времени[4 - В космосе принят порядок времяисчисления, соответствующий земному, при котором началом суточного цикла считалось время земного нулевого меридиана.] экипаж и пассажиры попрощались со свитой провожающих, в которую входили возбужденные ученые, представители Международного Совета космических исследований, руководители Роскосмоса и родственники улетавших, и скрылись в гармошке переходного рукава, протянутого от купола космовокзала к громаде корабля, геометрически совершенные формы которого делали его квазиживым зверем космоса, приготовившимся к прыжку.

Заняли места согласно штатному расписанию.

- Стандартный режим, - объявил Бугров, вселившись в гнездо капитанского ложементы, способного в чрезвычайных ситуациях превратиться в модуль высшей защиты.

Это означало, что старт будет происходить без каких-либо форс-мажоров, и тревожиться не стоит. Никто не ставил перед экипажем задачи добраться до цели любой ценой, по экстремальному императиву, хотя специалисты, разумеется, жаждали поскорее выяснить, правы ли они, назвав обнаруженный объект Сферой Дайсона.

- Все мировые астрофизики на ушах стоят, - с легкой улыбкой заметил по этому поводу при расставании Волгин. - Мало кто верил, что какая-то цивилизация решится на такую грандиозную стройку.

Он имел в виду, что земные ученые еще сто пятьдесят лет назад предложили идею создания вокруг звезды сферы, получившей впоследствии название Сфера Дайсона, для полной утилизации ее энергии. Но всерьез о реализации таких грандиозных сооружений никто не рассуждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Радиус видимой части Вселенной = 13,7 млрд световых лет.

2

Остывшая звезда небольшого размера с низкой температурой поверхности.

3

Фуор – тип нестационарных звезд с неравномерно меняющимся блеском.

4

В космосе принят порядок времяисчисления, соответствующий земному, при котором началом суточного цикла считалось время земного нулевого меридиана.

Купить: https://tellnovel.com/ru/golovachev_vasiliy/prizrak-sfery-daysona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)